

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-142-153

© С. В. Берзкина, © В. С. Киселев

ПИСЬМА Е. А. ПРОТАСОВОЙ 1807 ГОДА О СВАТОВСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Мария Андреевна Протасова (в замужестве Мойер; 1793–1823) была музой В. А. Жуковского, и любовь к ней он пронес через всю свою жизнь. Она приходилась Жуковскому родной племянницей и была дочерью Екатерины Афанасьевны Протасовой (1770–1848), его сестры по отцу. Женитьба Жуковского на Маше Протасовой была в Российской империи невозможна. Законным признавался только церковный брак, родство же с ней Жуковского затрагивало вторую (братья и сестры) и третью (их дети) степени родства, которые были за пределами для вопроса о браке и не могли рассматриваться ни при каких условиях. Церковное законодательство определяло *равную* (вторую) степень кровного родства между братьями и сестрами — с одной стороны, единокровными (по отцу, как Жуковский и Протасова) и единоутробными, а с другой, от одного отца и одной матери. Отсутствие свидетельств о рождении ребенка от общего родителя не играло важной роли в вопросе о браке, поскольку у церкви был мощный инструмент для установления правды в виде особого документа — это так называемый «брачный обыск», где перед венчанием поручители ставили свои подписи, утверждая, в частности, что между женихом и невестой нет степени родства, препятствующей по закону их браку. Документ этот сохранялся в храмах в «шнурозапечатанных» («обычных») книгах, причем он снабжался подписями жениха и невесты, поручителей и клириков.¹ Если сообщение поручителей было ложным, то это могло рассматриваться как лжеприсяга и повлечь за собой наказание в виде церковного покаяния.² Брак, заключенный с нарушением церковных законов, при поступлении жалобы расторгался по решению Синода.

Сразу же укажем, что в СССР, т. е. после 1917 года, брак, к которому стремился Жуковский, вышел из-под запрета (во многих европейских странах он исчез еще раньше). Современная медицина относит брак между дядей и племянницей (дочерью сестры) к числу кровнородственных, предполагающих наличие общего предка в ближайших поколениях. Преградой для такого брака всегда была традиционная общественная мораль, укрепляемая предупреждениями современной медицины относительно здоровья рождающихся в близкородственных браках детей (медики подчеркивают: и для их потомства, поскольку поврежденный ген исчезнуть уже не может). Поэтому неудивительно, что сведений о браках, заключенных в России между дядей и его родной племянницей, практически как не было, так и нет. Общественные настроения, выражавшиеся в неприятии подобных брачных союзов, оказались очень прочными, что свидетельствует о необходимости еще одного обращения к истории Жуковского и Маши Протасовой с опорой на новые эпистолярные материалы. Они могут способствовать пересмотру утвердившихся в жуковсковедении характеристик, относящихся к тем, кто противился планам влюбленного поэта.

¹ См.: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. С. 170–184.

² Возможно, именно поэтому весной 1814 года в переписке Е. А. Протасовой с А. П. Елагинной (урожд. Юшковой, в 1-м браке Киреевской) всплыла мысль о монастырском покаянии. Протасова с негодованием писала о предложении Елагиной, которая вызвала саму себя «заключить в монастырь» за брак Жуковского с Машей (Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904. С. 290).

Письма Жуковского к Маше Протасовой,³ до принятия ею в январе 1816 года предложения дерптского хирурга Ивана Федоровича Мойера (1783—1856), были проникнуты чувством глубочайшей любви.⁴ Сохранилась лишь часть писем Жуковского к М. Протасовой, поскольку остальное было ею уничтожено перед вступлением в брак. Свое чувство к ней поэт осознал в 1805 году, когда Маше было двенадцать лет, написав об этом в своем дневнике.⁵ Особенностью отношения к нему Маши было полное доверие и отсутствие сомнения в праве Жуковского на ее любовь.

Все письма 1800-х годов из родственного круга Жуковского, как это и было принято в эпоху сентиментализма, дышали любовью, и авторы выражали ее, умея разнообразить в слове: «Вы знаете, как я Вас люблю и, следственно, знаете, как мне весело слушать все, что до Вас касается» (А. П. Зонтаг (урожд. Юшкова), коллективное письмо от 11 декабря 1806 года); «Aimez-moi comme je vous aime et vous m'aimeras bien»⁶ (М. П. Офросимова (урожд. Юшкова), там же).⁷ Однако среди всех этих любовных фраз с самого начала, по-особому выделялось то, что писала Жуковскому маленькая Маша Протасова. Вот первое же из известных писем к нему девятилетней девочки, которое относится ко второй половине октября 1802 года: «Mein lieber freund⁸ Васенька. По началу видишь, мой друг, что я учусь по-немецки, но ничего больше не знаю, как только то, что ты мой милый друг по-русски, равно как и по-немецки, и что я ваша вечно буду».⁹ Выражение чувств в письменных обращениях Маши отличалось особым изяществом, причем по ним можно проследить процесс ее взросления.

В декабре 1822 года Жуковский написал А. П. Елагиной (урожд. Юшковой, в 1-м браке Киреевской), своей родной племяннице (она была дочерью В. А. Юшковой, родной сестры Е. А. Протасовой): «Я был в Дерпте и рад тому, что был там; видел Машу, говорил с нею об ней и доволен ею: это поэзия».¹⁰ Воплощенной поэзией были и письма Маши Протасовой к нему периода ее детства и отрочества! Приведем выписки из них, которые были всего лишь вставками в адресованных Жуковскому письмах матери и родственников. Первые числа декабря 1804 года: «Приезжай, миленький, поскорее. Я буду так прилежна, что ты сам удивишься. <...> Голубчик мой, пожалуйста, пиши ко мне почаще, да особливые письма¹¹ <...> Adieu, mon bon ami. Sacha vous embrasse aussi tendrement que votre Marie¹²» (№ 16, л. 3–4 об.); 11 июня 1805 года: «Пожалуйста, люби меня, мой бесценный друг, по-прежнему, хоть в четверть против того, сколько я тебя, и пиши ко мне почаще» (№ 16, л. 6 об.); последняя декада марта 1806 года:

³ Публикацию писем (в том числе дневников-писем) к М. А. Протасовой (Мойер) см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13 (по указ.); 2018. Т. 15 (по указ.); 2019. Т. 16 (по указ.).

⁴ См.: Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904; Уткинский сборник. С. 147–149, 169–170 и др.; Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 гг. / Предисловие А. Н. Веселовского; подг. текста П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1907. Вып. 1. С. 143–210; Сакулин П. М. А. Протасова-Мойер по ее письмам. СПб., 1907 (отд. отт.); Киселева Л. Н., Степанищева Т. Н. Проблема автоцензуры в переписке М. А. Протасовой и В. А. Жуковского // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V. Новая серия. Тарту, 2005. Р. 65–79, и др.

⁵ См. ниже п. 3, прим. 2 (дневниковая запись Жуковского от 9 июля 1805 года).

⁶ Любите меня, как я люблю вас, и я вам понравлюсь (фр.).

⁷ Киселев В. С., Лебедева О. Б., Третьяков Е. О. Проблемы графической, синтаксической и семантической классификации рукописных документов рубежа XVIII—XIX вв. из российских архивов: возможности машинного анализа данных (на материале коллективных писем к В. А. Жуковскому) // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 175, 177.

⁸ Мой дорогой друг (нем.)

⁹ РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 15. Л. 9–9 об. Далее ссылки на автографы писем из этой папки (карт. 8) даются в тексте сокращенно, с указанием номера единицы хранения и листа.

¹⁰ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 16. С. 167.

¹¹ То есть адресованные лично Маше Протасовой, поскольку письма, снабженные лишь приписками к ней, оставались у матери. Хранить у себя письма Жуковского было Машинной мечтой.

¹² Прощай, мой добрый друг. Саша целует тебя так же нежно, как твоя Мари (фр.). Имеется в виду младшая сестра Маши А. А. Протасова (в замужестве Воейкова).

«Не стыдно ли это, миленький дружок, а я так ждала такое длинное и великое особенное письмо, что даже удивилась, как услышала, что никакого нет. А я аккуратнее тебя, уже другое пишу, а от тебя получила 4 строчки. Миленький, пиши ко мне почаще. Прощай, миленький, люби свою Марию Протасову» (№ 16, л. 7 об.); 1 апреля 1806 года: «Я милого бесценного друга Василья Андреича целую, поздравляю с праздником, желаю всякого счастья, люблю много, много и желаю поскорее видеть. <...> Будь здоров, бесценный друг мой, береги себя, ради бога, люби нас и помни своего друга Марию Протасову» (№ 17, л. 17); 15 апреля 1806 года: «...пожалуйста, пиши ко мне побольше, мне так хочется иметь особенные письма, оттого что никогда у меня твои письма не спрятаны, если ты приписываешь на маменькином письме. Прощай, отвечай мне много-много и люби по-прежнему...» (№ 16, л. 9 об.); вторая декада мая 1806 года: «Я милого друга Базиля чрезвычайной люблю и очень-очень хочу видеть. Когда-то это будет? Il n'y a rien de plus pénible que d'être séparé de ceux qu'on aime, et j'espère que vous êtes sure de mon amitié¹³» (№ 16, л. 11 об.); 20 ноября 1806 года: «Не поверишь, бесценный друг Василий Андреевич, как грустно, что ты уехал. Без тебя так скучно, пусто. <...> Я только вчера ходила в твою комнату. Ты не поверишь, как без тебя у тебя грустно. Вольтер даже без своего хозяина повесил нос. Все гадко без тебя» (№ 16, л. 17); последние числа ноября 1806 года: «Письмо твое, бесценный, бесподобный друг мой Василий Андреич, чрезмерно меня тронуло и утешило, голубчик ты мой милый, как я тебя люблю и как ты мне дорог. Несносно грустно, что мы так далеко друг от друга! Присылай мне, пожалуйста, расписание дня моего, я точно буду хорошо и в точности исполнять» (№ 17, л. 4).

В конце 1806 года начинаются кокетливые побранки Маши, как, например, в письмах к Жуковскому от 20 ноября («Стихи твои очень скоро поспеют. Не поверишь, с каким удовольствием я их пишу, думая, что это для беспутного и бесподобного моего друга» — № 16, л. 17 об.), а затем 29 декабря: «Первое, поздравляю тебя с праздником, любезный друг. Второе, деру тебя за уши и верчу вокруг. Бестия, каналья, дурак, возможно ли это, *выдумал* на меня нелепицу».¹⁴

Письма Маши начала 1807 года обнаруживают уже элементы игры двух влюбленных, которые посылают в открытых письмах, среди приписок своих родных, некие напоминания о значимых для них моментах отношений, например, 19 января 1807 года: «Я всякий почти день пою „Wohl dem, der noch auf Rosen blickt auf rote“...¹⁵ и вспоминаю тебя и Вендриха» (№ 16, л. 19 об.). В письме Маши от 26 января 1807 года прокрадывается образ из народных (в том числе свадебных) женских песен — «сама пряла, сама ткала»: «Поздравляю тебя, милый мой и бесценный Basile, с рождением и именинами. Не поверишь, мой бесподобный друг, как грустно, что мы дни эти проведем розно. Посылаю тебе 6 батистовых платков. Я их не сама пряла и ткала, но зато сама рубила и метила. Как бы мне хотелось тебя поскорее видеть, милый друг» (№ 16, л. 21 об.).

Тоскливое ожидание четырнадцатилетней девочки принимает в ее письмах форму невинных любовных жалоб. 9 марта 1807 года: «Как грустно, что мы так далеко друг от друга, милый мой Базиль, пиши ко мне в свободное время побольше, если тебе не скучно. Для меня ничего нет веселее, как разговаривать, хотя и очень издалека, с бесценным моим другом»;¹⁶ середина марта 1807 года: «Прощай, наврала много, пути нет, ты не поймешь, скверно написала, бумагу измарала, сама не понимаю, стала дура душой. Все худо без тебя» (№ 17, л. 2 об.); около 4 мая 1807 года: «Приезжай поскорее к нам; мы все тебя ждем с большим нетерпением и без памяти будем рады. Как я тебя

¹³ Нет ничего хуже разлуки с теми, кого мы любим, и я надеюсь, что ты уверен в моей дружбе (фр.).

¹⁴ РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 45. Л. 14.

¹⁵ Отраднo тому, кто еще смотрит на розы красны (нем.). Автором этой песни был орловский доктор Ф. фон Вендрих, которому Жуковский писал 19 декабря 1805 года: «Марья Андреевна благодарит Вас за песню и ноты, которые вытвердила и часто играет» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 16. С. 35).

¹⁶ РГБ. Ф. 104. Карт. 6. № 46. Л. 7 об.

люблю, милый мой друг, что <час> от часу ты мне становишься дороже. <...> приезжай к нам поскорей, начнем опять рисовать, вместе читать „Анахарсиса“¹⁷ (которого я еще помню), резвиться, веселиться, бегать. Приезжай поскорей...» (№ 16, л. 23).

Во второй декаде июня 1807 года, в канун приезда Жуковского, Маша вновь возвращается к своему кокетливому ворчанью: «Мария милого и неблагодарного Базиля чрезвычайно хочет видеть, ты, бестия, каналья, ко мне не пишешь. Маминька тебе не писала ничего, а ты ей навараксал письмо, а я бедная трудилась, не обедала, мне ты шиш показал. Тьфу, пропасть, какой ты негодный» (№ 16, л. 13 об.). 15 сентября 1807 года в свое личное письмо (оно не было совместным с кем бы то ни было!) Маша вставляет стишки, ею же сочиненные: «Целую твои беленькие ручки, / На сердце, как на небе, две тучки / Сходятся и расходятся, / И <в> пристойном корпусе находятся» (№ 15, л. 3 об.). Стишки имеют некий подтекст, по-видимому призванный напомнить поэту о его романсе «Тоска по милomé», написанном в феврале 1807 года:

Дубрава шумит;
Сбираются тучи;
На берег зыбучий
Склонившись, сидит
В слезах, пригорюнясь, девица-краса...¹⁸

В отличие от «девицы-красы», сокрушенная героиня Машиных стишков находится в «пристойном корпусе», т. е. не склоняется «на берег зыбучий».

Июль–август 1807 года был для отношений Жуковского с Машей моментом переломным. Это было первое лето, которое Протасовы и приехавший к ним Жуковский провели в Муратове. Жили во временном, но довольно просторном жилище, поскольку строительство новой усадьбы в Муратове только начиналось. Во второй половине ноября 1807 года Маша, ничего не зная о сватовстве Жуковского, писала ему в Москву, вспоминая минувшее лето: «Помнишь ли, мой милый друг, как было весело, как ты меня учил рисовать. Когда-то опять это будет. Милый мой Базиль, когда приедешь ты к нам?» (см. п. 2).

В октябре–ноябре 1807 года Жуковский впервые посватался к Маше Протасовой, написав ее матери два письма, а затем, в декабре, еще одно, которое можно назвать примирительным, отступным (письма эти были Е. А. Протасовой уничтожены). В настоящей статье мы впервые публикуем ответы на них Е. А. Протасовой, в которых она увещевала Жуковского, выражая решительный отказ на сделанное им Маше предложение руки и сердца. Ранее об этой истории было известно, с немалым количеством неточностей, вплоть до отнесения сватовства к 1805 году, из письма матери Маши к П. И. и М. Н. Протасовым, ее родственникам по мужу, от 10 октября 1815 года, написанного в ответ на их заступничество за поэта и его избранницу. В нем Е. А. Протасова писала о Жуковском: «Я зачала его любить тогда, когда еще он и не понимал этого слова. Он вырос в моих глазах, мы одного отца дети. Батюшка <А. И. Бунин> был к нему привязан страстно. Я имела мать примерной добродетели, она <...> привязалась к нему, как к сыну. <...> Так жили мы до 1805 года. Тут Василий Андреевич сделался поэтом <...> Надобно было ему влюбиться, чтоб было кого воспевать в своих стихотворениях. Жребий пал на мою бедную Машу. Ей было тогда 11 лет.¹⁹ <...> Проживши лето вместе, поехал он в Москву, откуда мне написал и предлагал руку Маше. <...> Я отвечала ему самым сильным образом и, кажется, никакой надежды не оставила, но отказала совершенно. Здоровье мое <...> не выдержало, я занемогла. Это дошло до Василия Андреевича. Он отгадал причину болезни и написал ко мне такое письмо, которое совершенно меня успокоило. Он давал мне слово никогда не думать об этом браке

¹⁷ Имеется в виду роман Ж. Ж. Бартеlemi (Barthélemy, 1716—1795) «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию» (1788), оставивший заметный след в набросках Жуковского 1805–1806 годов (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8 (по указ.)).

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 115.

¹⁹ См. ниже п. 3, прим. 2.

и победить себя, только просил меня не сказывать о его страсти матушке <М. Г. Буниной> и Маше. Я обрадовалась без памяти его письму, поверила его обещанию и сожгла все письма с тем, чтобы скрывать от всего света минутное его заблуждение. <...> Я наказываюсь за неискренность мою к матушке; она все бы это переделала. Также и Машу не завели бы в эту пропасть, ежели бы она мной была предуведомлена. Надежда моя на спокойствие продолжалась до 1811 года. В мае я лишилась матушки; через несколько дней и его мать <Е. Д. Турчанинова> скончалась. Он написал ко мне опять прелестное письмо, просил у меня места в моей семье и давал мне слово быть истинным моим братом.²⁰ Я, любя его без памяти, деля его потерю так, как он мою, и веря добродетели, никак не думала испортить репутацию моей дочери, взявши брата к себе в дом. Но не так вышло».²¹

В приведенных ниже письмах Е. А. Протасова не упоминает свою матушку Марию Григорьевну и не делает никаких угроз относительно сообщения ей о предложении Жуковского. Тем не менее фигура М. Г. Буниной, человека самого авторитетного и властного в своем семействе, была здесь ключевой. Жуковский, воспитанный в доме Буниных и по праву считавший ее своей благодетельницей,²² это понимал, почему и попросил мать Маши забыть о его письмах. Если бы Е. А. Протасова сообщила о них Буниной, то история с Машей и Жуковским могла бы на этом и закончиться. Она не сделала этого, по-видимому пожалев своего брата, поскольку реакция Буниной была бы жесткой.

Церковные законы, о которых настойчиво твердила Е. А. Протасова, возможно, и не были для нее тем главным, что заставляло ее сопротивляться брачным планам Жуковского. За этим могло стоять лишь интуитивное неприятие близкородственного брака. В 1806 году Е. А. Протасова писала о себе Жуковскому, что она вовсе «не в экстазе» от религии «всякую минуту», причем не считает, «чтоб это значило лицемерить». Подобный религиозный «экстаз» Е. А. Протасова усматривала именно в Жуковском, видя у него желание «отличиться, чтоб быть отменным», и «ни о чем не думать, кроме Бога».²³

Неудивительно, что среди тех, кто поддержал Жуковского, оказался известный масон И. В. Лопухин, по его просьбе написавший в 1814 году письмо к Е. А. Протасовой, в котором он говорил о близкородственных браках в Библии и которого А. Ф. Воейков после этого назвал сумасшедшим.²⁴ 1 февраля 1815 года Жуковский начертил в письме к А. И. Тургеневу строки, немыслимые при жизни М. Г. Буниной, которая в 1806 году настояла на выделении ему наследниками бунинского имения значительной денежной суммы, причем не по закону (поскольку в завещании А. И. Бунина он не мог упоминаться), а по истинному родству: «Я ей <Е. А. Протасовой> брат, то есть брат матери; но закон не дал мне этого имени. Закон письменный противится бракам между родными; но родства в натуре нет. Та же религия представляет этому примеры: Авраам женат был на родной сестре, а он предок Мессии, следовательно его брак по натуре не есть преступление. Натура и Бог не противятся этому браку; противится ему один закон человеческий; но, чтобы закон человек<еский> ему противился, надобно, чтобы закон его и определил. Закон не назвал меня ее братом, следовательно подхожу под один закон природы; а он не против меня».²⁵

Из родственного круга особенным участием к судьбе влюбленных выделялась А. П. Елагина, двоюродная сестра и любимая подруга Маши. Позиция Елагиной кардинально отличалась от мнения, например, ее сестры М. П. Офросимовой, урожд. Юшковой, рано умершей, которая еще в 1807 году высказала мысль, что «родство

²⁰ Весной 1814 года Е. А. Протасова написала А. П. Киреевской (Елагиной) по поводу своих взаимоотношений с Жуковским, что заблуждалась, видя в нем «истинную любовь брата, а это было все одни искания для получения Машиной руки» (Уткинский сборник. С. 291).

²¹ Там же. С. 294–295.

²² См. ниже п. 4, прим. 2 о разделе бунинского имения.

²³ См. ниже п. 3, прим. 4 (письмо Е. А. Протасовой от первых чисел апреля 1806 года).

²⁴ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 266, 277, 743, 745.

²⁵ Там же. С. 309.

наше (Е. А. Протасовой и ее дочери с Жуковским. — С. Б., В. К.) запрещает <...> думать» об этом браке (см. п. 3). Почему же подобный взгляд был чужд Елагиной? 26 июля 1819 года, т. е. через два года после замужества Маши, она написала Жуковскому: «...ваше обоим счастье столько времени составляло цель моего счастья, и ваша взаимная любовь такую казалась мне прекрасною, святою необходимостью, что с тех пор, как у меня это отняли, для меня разрушилась вся прелесть жизни; ни одной нет вещи, на которую бы я смотрела прежними глазами, нигде не умею привязать блаженного общего *вместе*, и со всем тем, что радуется, что нравится, соединено против воли горькое чувство раздела, которое всё портит».²⁶ По-видимому, для Елагиной история Жуковского и Маши была сродни какой-то поэме, которую она с увлечением читала. Несколько лет пребывавшая после смерти первого мужа в положении богатой вдовы, она в 1819 году была уже во втором браке, который не был для нее счастливым. «Прекрасной, святой необходимостью» остался для Елагиной только союз Жуковского и Маши.

Родственники и друзья из окружения Жуковского сочувствовали и помогали ему из разных побуждений. Это могло быть недовольство теми ограничениями, которые сказывались в их жизни как разного рода стеснения, исходившие от церкви. Совершенно иными побуждениями движимы были А. А. и А. И. Плещеевы, жившие в имении Большая Чернь в сорока верстах от Муратова. А. А. Плещеев приходился Маше и Саше Протасовым двоюродным братом (родными сестрой и братом были его мать и их отец). Е. А. Протасова утверждала, что именно его жена открыла Маше глаза на истинный характер любви к ней Жуковского.²⁷ Обладавшая большим опытом придворных и любовных интриг,²⁸ Плещеева, надо полагать, искусно действовала в интересах Жуковского, преследуя, однако, свои цели, поскольку присутствие талантливого поэта (а он после женитьбы на Маше должен был поселиться неподалеку от Черни)²⁹ придавало ее дому столичный блеск. Отъезд из Муратова в Дерпт Е. А. Протасовой с семейством, а вслед за ними в начале 1815 года и Жуковского был очень болезненно воспринят Плещеевым и его женой.

Е. А. Протасова, улаживая ситуацию с первым сватовством Жуковского, недооценила отношение к нему своей дочери. Сожаления Е. А. Протасовой о том, что Маша не была ею «предуведомлена», были справедливы, поскольку мнение матери о невозможности этого брака, если бы оно было высказано еще в 1807 году, вероятнее всего, оказало бы на нее воздействие и остановило дальнейшее развитие чувства. «Предуведомление» Маше могло предотвратить трагедию жизни ее сестры, которая в марте 1820 года писала Жуковскому об обстоятельствах заключения в 1814 году своего злополучного брака с А. Ф. Воейковым, его тогдашним другом, которому изначально отводилась роль помощника в обустройстве союза двух влюбленных: «Я была скамейкой Машинной судьбы, на развалинах моей жизни должно было ей переделать свою...».³⁰ Об А. А. Воейковой, сестре Маши, сам Жуковский писал Ш. Моро де ла Мелтиер 1 (13) июня 1827 года: «Ее сестра, которую Вы прежде знали такой юной, счастливой, идеальной, прелестной как упование на счастье, влачит горестное существование, будучи прикована к негодю, ее не достойному, находя утешение и поддержку только

²⁶ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подг. текста и комм. Э. М. Жилияковой. М., 2009. С. 222.

²⁷ Уткинский сборник. С. 295.

²⁸ См.: *Березкина С. В.* Советский исторический роман в зеркале исторического источника («Судьба Плещеевых» А. Н. Глумова и письма А. А. Плещеева к В. А. Жуковскому) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35. С. 58–61.

²⁹ «Мастери, маккиавелируй! — наставлял Плещеев Жуковского 6 июня 1813 года. — Что бы недолго там вы оставались, если есть что делать, то погоняй! Нет больше дела? Опять погоняй!» (*Березкина С. В., Дмитриева Н. Л.* «Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А. А. Плещеева к В. А. Жуковскому, 1809–1814) // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 80).

³⁰ Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой. 1811–1829 / Вступ. статья и комм. С. В. Березкиной; сост. и подг. текста С. В. Березкиной, Н. Л. Дмитриевой, В. С. Киселева и О. Б. Лебедевой. Томск, 2020. С. 71.

в материнской любви, поскольку Провидение благословило ее прелестными детьми».³¹ Семейные обстоятельства многое объясняют в сожалениях Е. А. Протасовой, высказанных в письме 1815 года, о недостаточной твердости в реакции на первое сватовство Жуковского.

Пять писем Е. А., М. А. и А. А. Протасовой к Жуковскому за ноябрь–декабрь 1807 года публикуются по автографам (РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 12. Л. 15–16, 17–19, 20–20 об.; № 16. Л. 24–25 об.). Два письма с приписками Маши и Саши Протасовых, в которых не затрагивается тема сватовства Жуковского, передают атмосферу их семейства в ту пору, когда мать втайне переживала открывшуюся ей «страсть» поэта. Орфография и пунктуация писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением некоторых особенностей оригинала.

1

Е. А. Протасова

12-го ноября <1807 года>¹

Друг мой, милый Базиль, ты говоришь, что твое счастье от меня зависит. Ежели бы была возможность сделать мне его, я сама считала бы себя благополучною. Ты говоришь, чтобы я тебя отгадала, а прежде не хочешь быть со мной искренним. Для чего же, Базиль, ты должен быть уверен в моей дружбе, в дружбе истинной, которая началась еще тогда, когда ты не умел за нее платить свою, когда ты еще не умел чувствовать так сильно, как теперь, следовательно, я тогда тебя любила только за то, что ты сын Афанасия Ивановича, что ты брат мне, точно родной, а теперь еще и истинный друг, наполненный всеми достоинствами. Ты знаешь мою к тебе привязанность. Не надобно мне больше тебя в ней уверять. Я всякий день молю Бога о твоём счастье, и все, что от меня зависит, все сделаю. Письмо твое получила очень не вовремя. Я уже недели две как мучусь зубами, а сегодня больше всех дней. Ночь всю не спала, голова болит и очень расстроена. Многое в письме твоём очень меня огорчило. Ты говоришь, чтобы я дала тебе силу трудиться, что ты будешь стараться быть добрее. Ты должен давно знать, что я всем на свете, что сходно с совестью моею, готова жертвовать для твоего счастья. Базиль, друг мой, береги себя. Меня, ежели я догадалась, то ты совершенно лишаешь спокойствия, не только счастья, которое я все заключила в будущем, не в здешней жизни. Но я, верно, ошибаюсь. Голова моя болит, и я все темно вижу, ничего не понимаю. Открой мне свое сердце и верь, что ты имеешь во мне такого друга, которому твое спокойствие дороже, чем тебе самому.

Ек. П.

¹ Ответ Е. А. Протасовой на письмо Жуковского, которое должно было подготовить получение ею письма с признанием в любви к Маше и выражением надежды на брак с ней.

2

М. А. и Е. А. Протасовы

<Вторая половина ноября 1807 года>¹

<М. А. Протасова:>

Очень много перед тобою виновата, мой милый друг Василий Андреевич, что так давно к тебе не писала. Только, пожалуйста, не думай, чтоб это было от лени; точно от того, что по вторникам и по субботам ходит к нам Иван Никифорович,² и я более не могла написать. Теперь буду готовить письма свои загодя, и ты не будешь на меня пенять. Правду сказать, что и я имею право на тебя попенять, ты еще и сам не написал

³¹ *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 16. С. 470; подлинник по-французски.

ко мне ни одного порядочного письма. Но я и думать не хочу, чтоб это было от лени или от того, что ты меня забыл, уверена, что тебе нет времени и что и без того у тебя много дел.

Время свое провожу я очень весело. Тетушка Елизавета Федоровна³ теперь у нас со всеми сестрицами и пробудет еще дни четыре. Сестрицы Юшковы⁴ живут у нас по-недельно. Теперь у нас Мария Петровна, она пробудет здесь до середины. Милое приказание твое мы исполняем, читаем почти всякий день «Väterlicher Rath».⁵ Книга эта обеим нам очень нравится.

Время мое удивительно как скоро летит, так что даже не заметно, беспрестанно почти бываю с маминькой, и всем нам очень весело. Только гораздо было веселее, когда ты был с нами. Теперь я никак не надеюсь скоро опять тебя видеть. «Вестник» разлучит нас по крайней мере на год! Очень грустно об этом думать! Пожалуйста, пиши ко мне почаще в свободное свое время. Не нужно тебе сказывать, как мне весело получать твои милые письма.

Посылаю тебе 87 портретов. Я себе оставила Буффлера⁶ оттого, что его рисую, но как скоро кончу, то и его пришлю. Пожалуйста, пиши нам побольше об Марии Николаевне.⁷

Мы всякий день ходим гулять, какое бы время ни было, и всегда очень весело. Иван Никифорович наш не хочет более ходить учить, и нам этого очень жаль. Все его уговариваем, но он не соглашается. Помнишь ли, мой милый друг, как было весело, как ты меня учил рисовать. Когда-то опять это будет. Милый мой Базиль, когда приедешь ты к нам?

Прощай, мой милый друг. Будь здоров, весел и люби меня по-старому. Также будь уверен, что я люблю тебя всем сердцем и что дружба твоя безмерно мне дорога. Adieu, mon bon ami, votre

Marie⁸

<Е. А. Протасова:>

Наши все тебе кланяются, а Саша целует.⁹

<М. А. Протасова:>

С каким нетерпением мы ждем «Вестника», этого пересказать нельзя; маминька уже подписалась на него.

¹ Письмо датируется по сообщению о подписке на «Вестник Европы» и ожиданию его первого номера. Редактором журнала в 1808 году был Жуковский. Утверждение в письме М. Протасовой о том, что к ней он еще «не написал <...> ни одного порядочного письма», можно отнести ко времени после его отъезда в Москву в начале октября 1807 года.

² Иван Никифорович Гринев (ум. после 1827), учитель белевского уездного училища, управляющий имением А. П. Елагиной Долбино (после 1812), чиновник белевского земского суда (1820-е годы).

³ Е. Ф. Протасова, жена В. И. Протасова, дяди М. Протасовой.

⁴ Имеются в виду незамужние двоюродные сестры Маши — Анна, Мария и Екатерина Юшковы. Из них далее упоминается М. П. Юшкова.

⁵ Имеется в виду книга немецкого детского писателя И. Г. Кампе (Campe; 1746–1818) «Väterlicher Rat für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron. Der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet» («Отеческие советы моей дочери. Дополнение к „Теофрону“». Посвящается взрослым девушкам»; 1789) (указано Н. Е. Никоновой, которой приносим свою благодарность). В русском переводе Г. М. Яценкова книга вышла в двух частях в 1803–1804 годах под названием «Отеческие советы моей дочери».

⁶ Буффлер Станислас де (1738–1815) — французский писатель. Рисование (копирование) Машей портретов, в том числе Буффлера, было связано с обучением ее рисованию, которым занимался Жуковский летом 1807 года в Муратове.

⁷ М. Н. Свечина, урожд. Вельяминова, двоюродная сестра Маши Протасовой.

⁸ Прощай, мой добрый друг, твоя Мария (фр.).

⁹ Сухость приписки Е. А. Протасовой под письмом Маши позволяет предположить, что к этому времени она уже получила, по крайней мере, одно письмо из Москвы от Жуковского с намеками на чаемое им счастье с ее дочерью.

3

Е. А. Протасова

2 декабря <1807 года>

Письмо твое,¹ милый друг и брат, хотя тебя сие название и слезы заставляет проливать, но его переменить *нельзя*, меня безмерно огорчило. Нет, мой друг, ты ошибаешься, я никак не думала, чтоб ты мог привязаться не одним манером к ребенку 12-ти-летнему.² Видела я всегда, что ты ее лучше любишь Катеньки, Сашеньки, а с большими двумя, казалось мне, ровно.³ Думала, что это происходит так же, как и во многих моих родных, что ее предпочитают сестрам этим двум.

Уставы религии, мой друг, я не считаю предрассудком и не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть счастливым, пренебрегая ее.⁴ Светское мнение никогда бы не уважила и не уважу. Закон не только греческий, но, думаю, и католический не позволяет родным жениться. Боже мой, неужели я столько мало и тех знаю, кто мне всего дороже, и те в глазах моих питали самую непопозволенную страсть. И сколько же времени — два года. Что я тебе позволила ей кольцо дать,⁵ не доказала ли я этим, что я ничего дурного тут не вижу, а совершенно считала сей поступок невинным, думала, что ты хотел ей показать дружескую доверенность. Ты мне сказал, что это кольцо твоего друга (право, не помню, может быть, это она мне сказала). Спросить у ней об этом не смею. Голова моя очень смешана, что делаю, что говорю, ничего не помню и только вижу ряд длинных несчастий перед собой. И доверенность ко всем пропала, все, кто меня ни окружают, кажется, что-нибудь от меня скрывают.

Однако как я ни слаба характером, как я ни готова всем жертвовать для счастья мне милых людей, но никогда не позволю (ежели и она согласна), никогда такого противного всем законам брака не позволю. Никак не думаю, чтоб я сим сделала твое несчастье, потому что, соверша оный, это сделает ваше несчастье. Презревши закон, нельзя быть счастливою. Ты говоришь и сам, что ты не влюблен, зачем же ты меня не поберег и, зная, что это невозможно, требуешь от меня. Тебе Марья Петровна сказала, что родство наше запрещает об этом думать. Да как и кто мог об этом думать, ребенок истинный.

Ты просишь у меня сожаления, но кто больше имеет в нем нужду, я или ты? Ежели бы ты меня видел с тех пор, как я получила твое первое письмо. Видел бы ты, какво потерять все надежды вдруг и вдруг переменить совсем нрав и недоверчивой сделаться. Я сама себе уже в тягость стала, скоро и им всем буду, потому что еще могу теперь несколько скрывать себя, а там это пройдет.

Ты, мой друг, говоришь, что я часто на вас глядела так, что давала тебе надежду. И теперь люблю тебя также, как моего бы сына любила,⁶ а не как зятя. И точно видела в тебе брата моих дочерей и всегда думала, что никто их лучше ни научит, ни остережет от дурного, как ты. Следовательно, меня, что ты ею занимался, и утешало безмерно.

Прошу тебя Богом без всякого огорчения выкинуть все это из головы и увериться точно, что ежели бы ты получил столь запрещенную всеми религиями жену, то был бы совершенно несчастлив.

Мое положение теперь очень тяжело. Люблю я тебя чрезвычайно много. Огорчена я безмерно твоим романтическим поступком и еще же, по твоим словам, во всем должна себе пенять. Но Бог видит мое сердце. Я никак не думала, чтобы ты столь мало уважал религию, чтоб позволил поселиться в себе такой привязанности, что прочие уже все наши связи для тебя кажутся ничто. Однако, как я ни огорчена, но я о себе не думаю. Мне кажется, что я недолго буду мучиться. Бог милостив. Ты, мой друг, начинаешь только жить, достоинства твои таковы, что очень можешь надеяться быть счастливым и сделать другую счастливою. Итак, привязанность теперешнюю как можно старайся обратить в такую дружбу, какую я в тебе думала видеть, и не меняй временное на вечное. Прошу Бога о твоём счастье и вечно буду твоим истинным другом

Екатерина Протасова

¹ По письму Е. А. Протасовой к Жуковскому от 2 декабря 1807 года можно судить о многих деталях его письма, написанного из Москвы во второй половине ноября 1807 года. В нем он изложил историю своей любви к Маше, поразившую мать сообщением, что любовь его зародилась в тот год, когда дочь ее была «ребенком 12-тилетним», т. е. в 1805 году. С первого же своего ответа Жуковскому Е. А. Протасова заняла позицию безоговорочного неприятия брачного союза, о котором он мечтал. Последние письма Е. А. Протасовой на эту тему относятся к поре, когда принималось решение о браке М. А. Протасовой с И. Ф. Мойером, т. е. к осени 1815 года, и везде она указывала, во-первых, на свое близкое родство с Жуковским, напоминая об их общем отце (ср. в комментируемом письме о Маше: «...дочь твоей сестры...»), а во-вторых, на законы, запрещающие браки между кровными родственниками. Никто из сочувствовавших намерениям Жуковского не смог найти реальную поддержку у какого-либо из иерархов Русской православной церкви, поскольку его кровное родство с Е. А. Протасовой, при наличии многих свидетелей, было несомненным.

² См. дневниковую запись Жуковского от 9 июля 1805 года: «Можно ли быть влюбленным в ребенка? <...> Это чувство родилось вдруг, от чего — не знаю; но желаю, чтобы оно сохранилось. Я им наполнен, оно заставляет меня мечтать, воображать будущее с некоторым волением <...> Я был бы с нею счастлив конечно! Она умна, чувствительна, она узнала бы цену семейственного счастья и не захотела бы светской рассеянности. Но может ли это быть? К<атерина> А<фанасьевна>, если не ошибаюсь, дала мне что-то предчувствовать. <...> Неужли для пустых причин и противоречий гордости К<атерина> А<фанасьевна> пожертвует моим и даже ее счастьем, потому что она конечно была бы со мною счастлива» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 15–16).

³ Речь идет о Е. П. Юшковой (в замужестве Азбукиной), А. А. Протасовой, А. П. и М. П. Юшковых. Двух последних Е. А. Протасова имеет в виду, говоря далее о всеобщем предпочтении Маши «сестрам этим двум».

⁴ В переписке Жуковского с Е. А. Протасовой встречались и до 1807 года разногласия по религиозной проблематике. В последних числах апреля 1806 года она ответила на неизвестное письмо Жуковского, в котором он, развивая принципы «внутреннего христианства», многообразно отраженные в его дневниках раннего периода, писал, по-видимому, о своих расхождениях с общепринятыми формами религиозности: «Твое письмо, мой друг, меня очень огорчило. Сомнения твои, что ты не истинный христианин, для меня очень тяжелы. Чего тебе недостает? Само Евангелие чему нас учит? Любить Бога больше всего и ближнего как самого себя. Мы все слабы, чему видим пример даже и в тех людях, которые имели счастье служить самому Богу, видеть Его, чувствовать Его милосердие, понимать Его тайны, сокровенные от нас. С<вятой> Петр со всей своей привязанностью и верою усумнился, шедши по морю, и начал тонуть. Мало этого, боясь смерти, отрекся Христа. Вот человек со всею верою, со всею привязанностью к Богу, но как слаб. И я ничуть не вижу, что это значило лицемерить, коли я от религии не в экстазе всякую минуту так, как ты желаешь. Да и что ты такое желал бы сделать, чтоб отличиться, чтоб быть отменным, что же, надобно бросить все и всех и идти в монастырь, в пустыню, ни о чем не думать, кроме Бога, — вот, по-твоему, доказать христианство. Хотя я признаю, что ты противу монашествующих, но я не знаю, чего бы ты хотел из себя сделать. Что ты делаешь добро, что ты исправно исполняешь свои должности, что ты для ближнего своего ничего не пожалеешь, ни на чем не остановишься, этого всего тебе мало. А мне кажется, ежели бы ты чаще думал и отдавал Богу сердце-ведцу все твои добрые дела, что Он точно наставит тебя все хорошее делать. А все дурное произошло от тебя, а не от случая, как ты всегда относишь. Ты желаешь даже несчастья, чтоб узнать себя. О, как это безрассудно! Видно, что ты никогда горести не чувствовал. Но что же тогда выйдет, как тебя вера не подкрепит. И что же Богу делать с нами безрассудными? Когда милосердием своим он нас к себе не привлечет, то уже как наказаниями можно что-нибудь сделать. Право, мой друг, ужасна неблагодарность к Нему! Почаще думай, чем ты заслужил способности те, которые он дал, и все его милосердия, до сих пор излинные на тебя. Ты все говоришь, что ты один в мире (этот комплимент я часто от тебя получаю). <...> Скажи мои выгоды, за всех страдаю, и ежели бы не христианство, то, верно бы, меня давно не было. Это ответ на все то, что показало мне самолюбие и гордость в тебе, что ты и в христианстве-то хочешь быть отменным. О! пламенная голова, думающая о себе, что будто он флегма. <...> Что такое, что ты себя не знаешь? В 20 лет человек, не бывший в свете, и для того ты себя не знаешь. Ты можешь испортиться, ты можешь совратиться. Для чего же опять надеяться на Бога, который дал тебе силы саму молодость провести беспорочно. Для чего же, ежели ты будешь, как я прежде сказала, относить свои дела к Нему и просить Его о помощи и что жизнь провести по Его воле, Он тебя услышит и умножит твой рассудок и даст силы сохранить тебя от всякого соблазна. Ты себе представить не можешь, как мне грустно знать тебя не христианином или, лучше сказать, что ты не хочешь себя им считать» (РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 12. Л. 9 об. — 8).

⁵ Кольцо, подаренное Жуковским Маше в 1807 году, не сохранилось. В июне 1814 года Маша отдала ему какое-то «изломанное кольцо» (т. е. лопнувшее), взамен которого он подарил ей

другое, хранившееся ею до конца жизни. См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. С. 69; Т. 16. С. 732.

⁶ О надежде, вселявшейся в Жуковского от общения с ним Е. А. Протасовой, см. прим. 2. В письмо к нему от начала февраля 1804 года она вспоминала о своем сыне, умершем в младенчестве: «Люблю тебя так, что, верно, не могла бы больше моего покойного Николушку любить» (РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 11. Л. 23).

4

Е. А. Протасова

<Середина декабря 1807 года>¹

Не беспокойся обо мне, мой друг, милый Basile, я, право, теперь здорова, но, по великой моей дружбе к тебе, покойна быть не могу до тех пор, как ты мне искренно скажешь, что ты совершенно покоен и делаешь план счастья возможного, которого ты столько достоин и которого всякая мать, не имеющая таких препятствий, как я, должна искать. Об имении нечего говорить. Мы будем делиться, но об этом после надо будет говорить.² Раскаиваться тебе не в чем, кроме того, что ты не подумал о главном, на все побуждающей нас причине, о законе. Дружба моя к тебе еще более увеличилась, потому что я думаю о тебе как об огорченном, а всегда тот кажется еще дороже стал, кто несчастлив. Маша к тебе писать не будет до тех пор, как ты мне скажешь, что ты ее любишь как дочь твоей сестры и друга. Я боюсь твоего романического воображения и ничего такого не сделаю, чтобы могло питать страсть твою. Тебе уже один раз казалось, что я одобряю твою привязанность, довольно. Догадаться она поэтому ничего не может из великого ко мне послушания и доверенности.

Тебя же прошу, мой друг, Богом заниматься больше полезным. Теперь ты взял на себя не безделицу и заслужишь, ежели захочешь, хорошее мнение всей России, и все ждут с нетерпением первого «Вестника».

Пиши ко мне, ради бога, о себе порядочно. Как мне ни грустно будет матушку провозжать отсюда, однако мысль, что они³ тебе будут большим утешением и рассеянием, и меня утешает. Нет, Базиль, ты не знаешь, как ты любим в нашей, в твоей семье. Прощай. Христос с тобой.

¹ Письмо было написано Е. А. Протасовой после письма от 2 декабря 1807 года, в котором она ответила Жуковскому отказом на предложение руки и сердца ее дочери. Далее со стороны Жуковского последовало примирительное (отступное) письмо, о содержании которого можно судить по письму Е. А. Протасовой от 10 октября 1815 года к П. И. и М. Н. Протасовым (см. вступ. статью).

² По-видимому, Жуковский написал в своем примирительном письме о желании приобрести дом вблизи Муратова (что он потом и сделал), в связи с чем Е. А. Протасова и упомянула в ответе ему о разделе бунинского имения. Приступить к нему М. Г. Бунина была вынуждена после смерти управлявшего ее имением П. Н. Юшкова (скончался в декабре 1805 года), мужа одной из своих покойных дочерей (см.: *Коншина Е. Н.* Архив Елагиных и Киреевских // Записки Отдела рукописей. М., 1953. Вып. 15. С. 39–40). Раздел был продолжительным и в конце 1807 года еще не подошел к концу. Имение было поделено на четыре части по числу дочерей А. И. Бунина. Было решено, что Жуковский с матерью получают из каждой части по 2500 руб., что в итоге составило капитал в 10 000 руб., выплаты по которому начались в 1806 году. Инициатором этого решения была М. Г. Бунина, которая таким образом исполнила свое обещание мужу в ответ на его предсмертную просьбу о помощи Жуковскому и его матери.

³ Имеются в виду уезжавшие в Москву М. Г. Бунина и Е. Д. Турчанинова.

5

Е. А., А. А. и М. А. Протасовы¹

<Е. А. Протасова:>

Пожалуйста, мой милый друг Базиль, сделай мне милость, перепиши вексель на себя. Антонского² попроси. Сто рублей процентных посылаю. На будущий год, кажет-

ся, могу заплатить. Я, мой друг, здорова, только так слаба, что насилу таскаюсь. Люблю тебя по-прежнему, то есть истинный твой друг

Екатерина Протасова

<А. А. Протасова:>

Je me rappelle un souvenir de mon Papa, et le prie de ne pas m'oublier entierement, car quoique je ne lui ecrie pas, je l'aime de tout mon coeur,³ итак, любезный друг, прошу хотя немного помнить свою дочь

Александрю

<М. А. Протасова:>

Добрый мой Жуковский, я тебя, право, очень люблю. Маминька и мы все теперь, слава богу, здоровы. Будь покоен.

¹ Письмо, возможно, было отправлено вместе с личным письмом к Жуковскому Е. А. Протасовой. Она возобновила прежний тон их переписки, поскольку сватовство Жуковского она намеревалась сохранить в тайне от всей семьи.

² А. А. Прокопович-Антонский. О каком векселе идет речь, неизвестно.

³ Я вспоминаю своего папку и прошу его не забывать меня совсем, потому что, хотя я ему и не пишу, я люблю его всем сердцем (*фр.*).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-153-159

© Н. А. Тархова

ПРОМЫШЛЕННАЯ КОМПАНИЯ КАСТЕЛЛО В ТИФЛИСЕ (К ИСТОРИИ ПРОЕКТА РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ А. С. ГРИБОЕДОВА И П. Д. ЗАВЕЛЕЙСКОГО)

В долгой, более чем вековой, и довольно путаной истории освоения литературоведческой наукой «Проекта Российской Закавказской компании» А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского (далее — Проект РЗК): обнаружение и публикация в конце XIX века сохранившихся частей его текста, долгая и временами легендарная интерпретация этих текстов в первой половине XX века, реконструкция утраченных частей по архивным документам, установление смысловых совпадений с экономическими проектами первой половины XIX века, восприятие современниками и потомками, причины неосуществления — наименее проясненной остается история возникновения этого замысла и его текста.

В комментариях к Проекту РЗК в академическом Полном собрании сочинений писателя сведения о возможных его источниках и связях с другими экономическими проектами занимают весьма небольшое место. А единственная статья, посвященная собственно экономическим интересам писателя, сообщает об истории Проекта РЗК только самые общие и, в свете сегодняшних знаний, не всегда достоверные сведения.¹

Тем не менее история возникновения грибоедовского проекта создания в Закавказских областях промышленной компании, имеющей целью преобразование хозяйства целого края, может быть отчасти прослежена на фоне тех весьма немногих экономических событий 1820-х годов, когда руководство Грузией, генералы А. П. Ермолов и сменивший его И. Ф. Паскевич, пыталось предпринимать усилия по налаживанию ее хозяйственной жизни.

¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 2006. Т. 3. Письма. Документы. Служебные бумаги. С. 325–346, 561–575; Кальма Н. Коммерческие замыслы Грибоедова // Лит. наследство. 1935. Т. 19–21. С. 143–176 (автор статьи — Анна Иосифовна Кальманюк (1908–1988)).

Светлана Вениаминовна Березкина

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Veniaminovna Berezkina

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-1845-6834

s.berezkina@mail.ru

Виталий Сергеевич Киселев

профессор Томского государственного университета

Vitaly Sergeevich Kiselev

Professor, Tomsk State University

ORCID: 0000-0002-0265-0088

kv-uliss@mail.ru

**ПИСЬМА Е. А. ПРОТАСОВОЙ 1807 ГОДА
О СВАТОВСТВЕ В. А. ЖУКОВСКОГО****1807 E. A. PROTASOVA LETTERS CONCERNING
THE MARRIAGE PROPOSAL BY V. A. ZHUKOVSKY**

В статье впервые публикуются письма Е. А. Протасовой к В. А. Жуковскому, связанные с его первым сватовством к ее дочери в ноябре 1807 года. Письма позволяют определить дату этого события, ранее ошибочно относившегося к 1805 году. Они содержат сведения о несохранившихся письмах Жуковского с предложением руки и сердца Маше Протасовой и его ответе на отказ матери. В статье использованы около двадцати не публиковавшихся ранее писем М. А. Протасовой к Жуковскому за 1802–1807 годы и дан анализ развития их отношений. Статья затрагивает вопрос о брачном законодательстве в России до и после 1917 года, а также общественные настроения, свидетельствующие о неприятии того типа брачного союза, к которому стремился поэт (дядя и его родная племянница).

Ключевые слова: биография и переписка В. А. Жуковского, семья Е. А. Протасовой, биография М. А. Протасовой (Мойер), родственно-дружеское окружение В. А. Жуковского, близкородственные браки в законодательстве России.

The article offers the first publication of the letters of E. A. Protasova to V. A. Zhukovsky, related to his first proposal to her daughter in November 1807. The letters are instrumental for determining the date of this event, the previous, erroneous, dating being 1805. They provide insights into the contents of Zhukovsky's unpreserved letters where he offers his hand in marriage to Masha Protasova, and into his response to her mother's refusal. The article is based on ca. twenty previously unpublished letters of M. A. Protasova to Zhukovsky, 1802–1807, and analyzes the dynamics of their relations. It touches on the Russian marriage legislation before and after 1917, as well as on the public sentiments that point to the rejection of the type of marital union that the poet aspired to (between an uncle and his niece).

Key words: biography and correspondence of V. A. Zhukovsky, family of E. A. Protasova, biography of M. A. Protasova (Moyer), family and friends of V. A. Zhukovsky, marriages between close relatives in the Russian legislation.

Список литературы

1. Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006.
2. Березкина С. В., Дмитриева Н. Л. «Обнимаю тебя братски, дружески...» (письма А. А. Плещеева к В. А. Жуковскому, 1809–1814) // Литературный факт. 2024. № 1 (31).
3. Березкина С. В. Советский исторический роман в зеркале исторического источника («Судьба Плещеевых» А. Н. Глумова и письма А. А. Плещеева к В. А. Жуковскому) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 35.
4. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004–2019. Т. 8, 13, 15, 16.
5. Киселев В. С., Лебедева О. Б., Третьяков Е. О. Проблемы графической, синтаксической и семантической классификации рукописных документов рубежа XVIII—XIX вв. из российских архивов: возможности машинного анализа данных (на материале коллективных писем к В. А. Жуковскому) // Имагология и компаративистика. 2023. № 19.
6. Киселева Л. Н., Степанищева Т. Н. Проблема автоцензуры в переписке М. А. Протасовой и В. А. Жуковского // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. V. Новая серия. Тарту, 2005.
7. Коншина Е. Н. Архив Елагиных и Киреевских // Записки Отдела рукописей. М., 1953. Вып. 15.
8. Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой. 1811–1829 / Вступ. статья и комм. С. В. Березкиной; сост. и подг. текста С. В. Березкиной, Н. Л. Дмитриевой, В. С. Киселева и О. Б. Лебедевой. Томск, 2020.
9. Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подг. текста и комм. Э. М. Жилияковой. М., 2009.

References

1. Antonov D. N., Antonova I. A. *Metricheskie knigi Rossii XVIII — nachala XX v.* M., 2006.
2. Berezkina S. V. *Sovetskii istoricheskii roman v zerkale istoricheskogo istochnika («Sud'ba Pleshcheevykh» A. N. Glumova i pis'ma A. A. Pleshcheeva k V. A. Zhukovskomu)* // *Tekst. Kniga. Knigoizdanie.* 2024. № 35.
3. Berezkina S. V., Dmitrieva N. L. «Obnimaiu tebia bratski, družeski...» (pis'ma A. A. Pleshcheeva k V. A. Zhukovskomu, 1809–1814) // *Literaturnyi fakt.* 2024. № 1 (31).
4. Kiselev V. S., Lebedeva O. B., Tret'iakov E. O. *Problemy graficheskoi, sintaksicheskoi i semanticheskoi klassifikatsii rukopisnykh dokumentov rubezha XVIII—XIX vv. iz rossiiskikh arkhivov: vozmozhnosti mashinnogo analiza dannykh (na materiale kollektivnykh pisem k V. A. Zhukovskomu)* // *Imagologiya i komparativistika.* 2023. № 19.
5. Kiseleva L. N., Stepanishcheva T. N. *Problema avtotsenzury v perepiske M. A. Protasovoi i V. A. Zhukovskogo* // *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie. V. Novaiia seriia.* Tartu, 2005.
6. Konshina E. N. *Arkhiv Elaginykh i Kireevskikh* // *Zapiski Otdela rukopisei.* M., 1953. Vyp. 15.
7. *Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. A. Voeikovoi. 1811–1829 / Vstup. stat'ia i komm.* S. V. Berezkinoi; sost. i podg. teksta S. V. Berezkinoi, N. L. Dmitrievoi, V. S. Kiseleva i O. B. Lebedevoi. Tomsk, 2020.
8. *Perepiska V. A. Zhukovskogo i A. P. Elaginoi: 1813–1852 / Sost., podg. teksta i komm.* E. M. Zhiliakovoi. M., 2009.
9. *Zhukovskii V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t.* M., 2004–2019. T. 8, 13, 15, 16.